

К.С. СТРИГУНОВ
А.А. АЛАУДИНОВ
А.Р. ГОНЧАРЕНКО

КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ И МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

Аннотация. В условиях перехода к многополярному миру международные акторы все чаще прибегают к использованию средств и методов гибридных войн, что обуславливает актуальность их исследования и классификации. Цель данной работы — классифицировать формы гибридных войн. Ключевым критерием предложенной в статье классификации выступает наличие или отсутствие кинетического воздействия. Введен континуум, где формы гибридных войн располагаются в зависимости от их схожести с информационными или традиционными войнами. Показан переход одной формы гибридной войны в другую.

Ключевые слова: кинетические гибридные войны, некинетические гибридные войны, континуум гибридных войн, цветные революции, традиционные войны.

CLASSIFICATION OF FORMS AND METHODS OF CONDUCTING CONTEMPORARY HYBRID WARS

Abstract. In the context of the transition to a multipolar world, international actors are increasingly resorting to the use of means and methods of hybrid warfare. This fact determines the relevance of their research and classification. The aim of this work is to classify the forms of hybrid warfare. The key criterion of the classification proposed in the article is the presence or absence of kinetic military action. The continuum of hybrid wars is introduced, where the forms of hybrid wars are disposed depending on their similarity to information or traditional wars. The transition of one form of hybrid warfare into another is shown.

Keywords: kinetic hybrid wars, non-kinetic hybrid wars, continuum of hybrid wars, color revolutions, traditional wars.

СТРИГУНОВ Константин Сергеевич — кандидат политических наук, ведущий аналитик Ассоциации специалистов по информационным операциям, г. Москва

АЛАУДИНОВ Апты Аронович — кандидат политических наук, командир спецназа АХМАТ, г. Ростов-на-Дону

ГОНЧАРЕНКО Анна Романовна — аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Разнообразие проявлений гибридных войн требует их классификации. Следовательно, в первую очередь необходимо выбрать критерий, на основе которого и будет создана такая классификация. Однако перед тем, как приступить непосредственно к выработке типологии, следует выделить важный аспект. У разных видов гибридных войн есть общие признаки. Например, фактор информации, информационно-психологических операций и вбросов присутствует практически по всех формах таких войн. Мероприятия в информационном поле составляют жизненно важную часть этих вооруженных конфликтов, без которых их проведение в современных условиях просто немыслимо. Из этого следует, что классификация форм гибридных войн отчасти условна, однако данное обстоятельство не означает, что она невозможна в принципе.

Критерии классификации гибридных войн

Поскольку гибридные войны могут включать в себя разные компоненты — от информационно-психологических операций до широкомасштабного использования иррегулярных формирований из террористов, наемников и криминала, — их классификацию логично провести по уровню применения кинетического воздействия, но при условии, если участие собственно вооруженных сил государств в конкретном военном конфликте играет второстепенную роль. В противном случае — то есть, если вооруженные силы выходят на передний план, военный конфликт приобретает черты традиционного. Поэтому критерием классификации гибридных войн мы предлагаем сделать кинетическое воздействие без масштабного участия вооруженных сил. Под этим мы понимаем континуум в виде перехода от масштабных некинетических воздействий, где доминируют «мягкая сила» [1], информационно-психологические операции и атаки, а также вбросы и фейковые новости, до масштабных военных конфликтов с кинетическими операциями, но в отсутствие использования государственных вооруженных сил или при их незначительном участии¹.

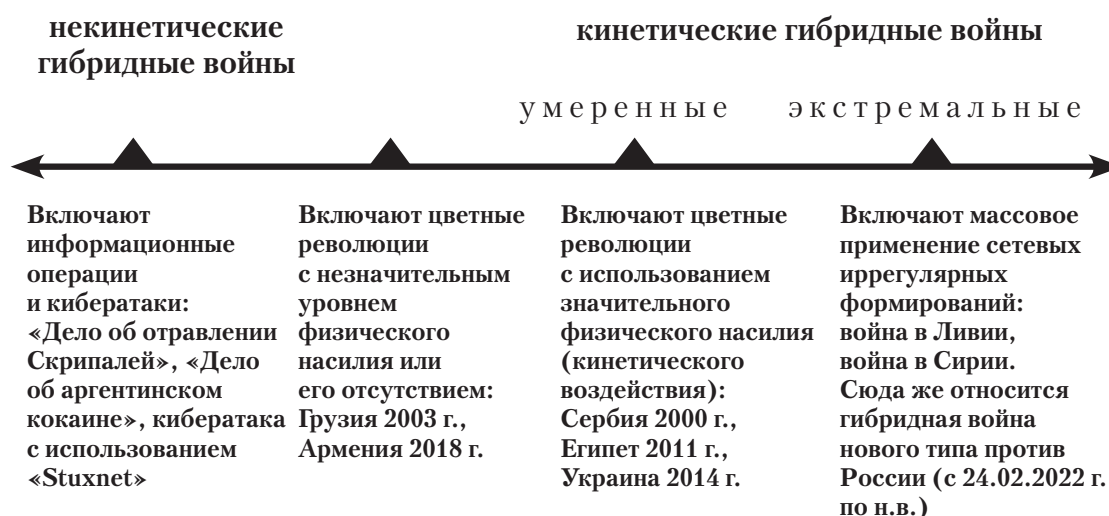
С ростом кинетического воздействия, его видов и масштаба, определяется характер гибридных войн. Если доминируют информационно-психологические операции и кибератаки на элементы инфраструктуры, а также смешанный тип воздействия, тогда по своему характеру гибридная

¹ Под «незначительным участием» вооруженных сил государств мы понимаем такое участие, которое выполняет вспомогательную роль в военном конфликте, а основная ставка субъектами военного конфликта сделана на информационно-психологические операции, кибератаки, работу НПО и НКО, использование террористических методов, диверсий, протестных движений, криминальных элементов, радикалов-экстремистов и т.п. В соответствии с замыслом субъекта (актора) гибридной войны такие средства и методы должны в итоге привести к цели (нанесение поражения противнику) без масштабного и явного участия, — в отсутствие применения своих вооруженных сил, то есть ниже порога идентификации традиционного военного конфликта.

война окажется ближе к информационной и кибервойне. На другом конце спектра она приближается к традиционной, но в ней вооруженные силы государств все еще не применяются или задействуются ограниченно, если речь идет о кинетических операциях². Это означает, что вооруженные силы могут быть использованы, но только в форме, например, специальных операций (контртеррористических, диверсионно-разведывательных, спасательных), в разведке (в частности, предоставление разведданных своим союзникам из числа иррегулярных формирований), в информационно-психологических операциях (провокации, дезинформация, внесение рассогласования в действия руководства государства-мишени и дестабилизация социально-политической ситуации в нем) и кибератаках (сбои в средствах связи; фишинговые атаки; нанесение урона стратегической инфраструктуре, как это было сделано в отношении иранской ядерной программы, подвергшейся деструктивному воздействию с использованием вредоносного программного обеспечения Stuxnet [2, р. 80–91]), координации агентуры и наемников [3, с. 156–165]. Таким образом, гибридные войны классифицируются по степени кинетического воздействия на государство-мишень.

Поскольку степень применения физического насилия в виде кинетического воздействия для разных гибридных войн отличается, мы предлагаем разделить их на две основные группы: некинетические гибридные войны и кинетические гибридные войны. Вторая группа делится на две подгруппы, сегрегированные в зависимости от степени кинетического воздействия и, как следствие, уровня физического насилия и разрушений: умеренные и экстремальные гибридные войны. При этом важно подчеркнуть, что разделение не противоречит единому континууму гибридных войн; так, средства и методы некинетических гибридных войн могут применяться в гибридных войнах кинетического типа. Как показала практика, гибридных войн без активного воздействия в информационном домене не бывает. На рисунке показан континуум гибридных войн в зависимости от уровня кинетического воздействия. Отметим, что в этот континуум включены цветные революции, которые мы рассматриваем как важный элемент в некоторых формах гибридных войн. На представленной схеме цветные революции в Грузии [4] и Армении [5] занимают промежуточное положение, так как в этих странах предыдущую власть организаторам переворотов удалось сместить фактически без применения физического насилия (кинетического воздействия).

² В данном исследовании мы используем два термина: «кинетическое воздействие» и «кинетические операции». Второе является разновидностью первого. В узком смысле кинетические операции относятся к действиям вооруженных сил в традиционных военных конфликтах, поэтому, чтобы избежать путаницы, мы используем термин «кинетическое воздействие» применительно к гибридным войнам, где участие вооруженных сил либо отсутствует, либо оно незначительно.

Континуум от некинетических до экстремальных кинетических гибридных войн

В левой части континуума некинетические гибридные войны могут совпадать, но не всегда, с информационными (информационно-психологическими) войнами. Чаще всего некинетические гибридные войны выходят за пределы информационных войн, так как их субъекты могут применять, например, еще и экономические санкции. Фактически представленный в данном исследовании подход показывает, какое место занимают гибридные войны в классификации военных конфликтов, — от схожих с информационными и торговыми войнами до форм, схожих с традиционными войнами (военными конфликтами). Выбор континуума удобен тем, что он показывает, как одна форма гибридных войн может переходить в другую. Это разрешает проблему строгой формализации границ при поиске ответа на вопрос, что считать гибридной войной, а что нет. Полагаем, что провести четкую демаркационную линию, отделяющую традиционную войну от гибридной, практически невозможно, однако выявить различия между ними — решаемая задача.

Некинетические гибридные войны

Рассмотрим общие признаки групп и подгрупп гибридных войн. Основной акцент в некинетических гибридных войнах делается на действия в трех доменах: информационно-психологическом, кибернетическом и экономическом. Действия могут быть только в одном из них, либо сразу в двух или трех.

Противостояние в информационно-психологическом домене (сфере) сопряжены с использованием информационного оружия в форме информационных (в данном случае — информационно-психологических) операций.

Кроме информационных операций, соответствующих оперативному уровню ведения информационной войны³, используются информационные атаки (тактический уровень). Также выделяется инструментальный уровень [6] (например, фейки). Информационно-психологические операции в гибридных войнах применяются всегда и без исключения: обратных примеров не существует. В этом гибридные войны схожи с традиционными военными конфликтами. Разница состоит в том, что в гибридных войнах такие операции выполняют не вспомогательную функцию, а основную.

Другим доменом, в котором осуществляется противоборство в форме гибридных войн, выступает киберпространство (или кибервойны). Следуя определению бывшего советника Белого дома по борьбе с терроризмом Ричарда Кларка и научного сотрудника по международным делам в Совете по международным отношениям Роберта Нейка, под *кибервойной* мы понимаем действия национального государства по проникновению в компьютеры или сети другой страны с целью нанесения ущерба или нарушения работы [7]. Однако, как показывает опыт современных конфликтов, участвуют не только национальные государства, но и негосударственные акторы.

Фактически, если реальная война разворачивается в спектре, ограниченном концепцией абсолютной войны, с одной стороны, и отсутствия войны, с другой стороны, то этот спектр должен включать кибератаки, из которых и состоит кибервойна, но которые не причиняют очевидного физического ущерба. В то же время последствия кибер-нападения по своему конечному результату могут быть сопоставимыми с кинетическим воздействием (или кинетическими операциями, если речь идет о средствах и методах традиционной войны). Мероприятия в киберпространстве столь же свойственны гибридным войнам, как и информационно-психологические операции. Более того, кибератаки могут теснейшим образом быть связанными с информационно-психологическими операциями, поскольку донесение до противника информации, направленной на введение его в заблуждение, деморализацию и/или дезорганизацию, зачастую требует взлома элементов информационной системы противника — сайтов СМИ, правительственных учреждений, аккаунтов лидеров общественного мнения и тому подобного, при защите своих аналогичных систем.

Также к некинетическим гибридным войнам следует отнести так называемые торговые войны, суть которых особенно явно проявилась во время противостояния в торгово-экономической сфере между США и Китаем во время президентства Дональда Трампа. Тогда Вашингтон значительно поднял пошлины на китайские товары, часть из которых облагалась пошлиной в 25 процентов [8, с. 95–109]. В силу торгового дисбаланса Китай получал

³ Стратегический уровень соответствует самой информационной войне, с которой может совпадать гибридная война, обозначенная в самой левой части континуума.

больший экономический урон, чем США, и это хорошо понимали Д. Трамп и его администрация. Синхронно с этим был введен ряд санкций против китайских высокотехнологических компаний по типу Huawei, которой министерство юстиции США предъявило обвинения в краже американских технологий, заговоре, банковском мошенничестве, ракете и оказании помощи Ирану в обходе санкций⁴.

Это не единственные санкции в отношении Китая и его компаний, однако данный пример наглядно демонстрирует, как в условиях интенсивной глобализации и сильной торгово-экономической взаимозависимости между акторами можно использовать экономические инструменты (например, санкции, пошлины) в качестве оружия. Все эти действия практически всегда сопровождаются массированными медиа-кампаниями, вбросами (фейками) и взаимными обвинениями. Многие из усилий в информационном пространстве имеют признаки синхронизации с действиями в экономической сфере. Из этого следует, что при смещении в левую часть континуума (см. рисунок) гибридные войны имеют сходство также и с торговыми войнами. Нет сомнений, что наработанный опыт будет применен акторами в дальнейшем.

Кинетические гибридные войны

По мере смещения в правую область континуума гибридных войн их формы включают в себя кинетическое воздействие. Чем сильнее смещение вправо, тем все больше гибридные войны приближаются к традиционным. Физическое насилие занимает все бóльшую долю, а это означает рост кинетического воздействия.

В первую подгруппу кинетических гибридных войн входят умеренные гибридные войны, которые в себя включают цветные революции. В большинстве случаев (но не всегда) цветные революции сопровождаются применением физического, то есть прямого насилия. Примеров этому масса: от «бульдозерной революции» в Сербии [9, с. 119–135] до переворотов «арабской весны» [10, с. 46–54]; от так называемого Евромайдана на Украине [11, с. 130–141] до свержения Эво Моралеса в Боливии [12].

Если в условиях традиционной войны вооруженные силы осуществляют кинетические операции, в которые входят любые виды боевых действий, где целям наносится физический урон (поражение или уничтожение), то в цветных революциях кинетическое воздействие может включать в себя любое насилие — от бросков в полицию кусков брусчатки до вооруженных столкновений толпы и агентов-provokatorov/агентов-боевиков (как,

⁴ The United States Further Restricts Huawei Access to U.S. Technology // U.S. Department of State: [сайт]. [2020]. URL: <https://2017-2021.state.gov/the-united-states-further-restricts-huawei-access-to-u-s-technology/> (дата обращения: 01.11.2023).

например, стрелки во время событий на Украине в 2013–2014 гг.) с силами органов правопорядка и госбезопасности государства.

Силовое давление играет очень важную роль в цветных революциях тогда, когда ее организаторы не в состоянии достигнуть своей цели, суть которой состоит в захвате и удержании власти в государстве-мишени с последующим установлением подконтрольного правительства. При таком сценарии развития событий организаторы цветных революций и проводники их интересов на территории государства-мишени могут инфильтрировать в среду протестного движения боевиков-радикалов, наемников, профессиональных провокаторов, представителей преступных организаций, перед которыми ставится задача стравливания властей и протестующих, сознательное и целенаправленное усиление эскалации с последующей дестабилизацией внутренней социально-политической ситуации. Этим создаются условия для фокусировки международного информационно-психологического, политико-дипломатического и экономического давления в отношении представителей власти, показываемых как душителей свобод и кровавых тиранов, которым не место в цивилизованном мире.

Некоторые цветные революции по уровню насилия приближаются к не-международным вооруженным конфликтам. Так, только в январе-феврале 2011 года в Египте погибло 846 человек [13, р. 60–62] и еще порядка 6 тысяч получили ранения (всего за 18 дней беспорядков). В принципе, цветные революции, для большинства из которых характерно кинетическое воздействие, выступают в роли важнейшей составляющей отдельных форм гибридных войн. С одной стороны, такие умеренные (по уровню используемого прямого физического насилия) гибридные войны имеют выраженное отличие от традиционных войн, поскольку в цветных революциях практически не задействуются вооруженные силы⁵; с другой — с помощью технологий цветных революций возможен захват власти без боевых действий, характерных для традиционных войн, что отвечает особенностям гибридных войн, проводимых ниже порога традиционной войны. На развязанную в отношении государства-мишени гибридную войну, осуществляемую с акцентом на использовании технологий цветных революций, нельзя ответить так же, как на явное нападение, то есть с использованием для этого вооруженных сил.

В самой правой части континуума гибридных войн расположены их наиболее экстремальные формы (см. рисунок). Речь идет о гибридных войнах, в которых основная ставка сделана на разного рода парамилитарные формирования иррегулярного типа, в частности: террористов, наемников, криминальных элементов, повстанцев, партизан. Среди них могут

⁵ Более того, цветные революции осуществляются таким образом, чтобы нейтрализовать вооруженные силы, вынудив их либо отказаться от прямой поддержки одной из сторон, либо перейти на сторону протестных групп.

находиться бойцы сил специальных операций, а также агентура разведок, осуществляющая координационную функцию среди боевиков. Согласно современным исследованиям, такой военный конфликт осуществляется с помощью аморфных групп, действующих по принципу роя. В частности, офицеры Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации И.М. Попов и М.М. Хамзатов отмечали, что изначально на территории государства-мишени формируется «облачный» (аморфный) противник [14, с. 505], чьи структуры обеспечения и стратегический тыл находятся за пределами государства-мишени, на территории стран, которые формально в конфликте не участвуют. Более того, роевые группы формируются и взаимодействуют по сетевому и сетецентрическому принципу [15, с. 8–27], с децентрализованной тактикой, однако их цель подчинена единой стратегии.

Важно отметить, что для иррегулярных формирований не так остра проблема деиерархизации, как для вооруженных сил классического типа, так как это противоречит их основной форме организации, с подчинением директивным указаниям, идущим сверху [16, с. 116–137]. У парамилитарных иррегулярных групп отсутствует твердая и постоянная организация. Поэтому им адаптироваться к сетевой форме легче — и организационно, и, что особенно важно, психологически. Соответственно, внедрение сетевых и сетецентрических принципов управления и организации в иррегулярных группировках проще, чем в вооруженных силах. Это дает им определенное преимущество, в том числе возможность их организации спецслужбами и военными ведомствами государств, которые используют подобные формирования против государств-мишеней.

Наиболее известными примерами кинетических гибридных войн экстремального типа являются войны в Ливии и Сирии. В первом случае, до непосредственного вмешательства НАТО в войну основной акцент в боевых действиях против сил Муаммара Каддафи делался на разного рода террористах (например, из Ливийской исламской боевой группы⁶ и «Аль-Каиды исламского Магриба», АКИМ [17] — запрещенная в России террористическая организация). Итогом стало свержение и убийство Каддафи. Последствия для страны оказались катастрофическими: распад, новые войны, распространение терроризма и бандитизма, гуманитарная катастрофа, исход беженцев, экономический коллапс.

Особенно проявилась экстремальная форма кинетической гибридной войны в Сирии, где с 2011 года против правительственных сил ведут боевые действия боевики из множества стран мира. В этой войне были отработаны новейшие на тот момент практики разрушения государства без прямой интервенции, что привело к катастрофическим последствиям для Сирии.

⁶ Филиал запрещенной в России террористической организации «Аль-Каида».

Если бы не участие России и Ирана на стороне правительства Башара Асада, сирийское руководство было бы свергнуто. Эти формы гибридных войн по своим разрушительным последствиям и жестокости сопоставимы с традиционными войнами.

Заключение

Сложность с формализацией разновидностей гибридных войн продемонстрировала, что строгое разделение между ними практически невозможно. Это определило и подход в данном исследовании, состоящий в уходе от строгой сегрегации форм таких войн к их континууму, на котором эти формы отображены. Критерием предложенной авторами классификации выступает наличие или отсутствие кинетического воздействия. Рассмотрение разнообразия гибридных войн в зависимости от степени применения кинетического воздействия позволило показать, при каких условиях гибридные войны перестают быть отличны, например, от информационно-психологических войн, а при каких — они по своим характеристикам всё больше приближаются к традиционным военным конфликтам, где доминирует применение вооруженных сил в качестве главного инструмента достижения военно-политических целей. Континуум гибридных войн позволяет решить проблему отсутствия четких границ, — где заканчиваются одни формы гибридных войн, а где начинаются другие; наконец, где заканчиваются войны гибридные и начинаются традиционные. Формы гибридных войн, не имея строгих границ, плавно переходят из одной в другую, чем напоминают диффузию веществ, между которыми нельзя провести строгую разграничительную линию, но тем не менее сами вещества отличаются по своим физико-химическим свойствам.

Список литературы

1. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.
2. Collins S., McCombie S. Stuxnet: the emergence of a new cyber weapon and its implications // Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism. 2012. V. 7. № 1.
3. Репко С.И. Гибридные войны США (1979–2017) // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2017. № 778.
4. Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... М.: Алгоритм, 2005.
5. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. М.: Горячая линия-Телеком, 2020.
6. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия-Телеком, 2018.
7. Clarke R., Knake R. Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It. New York, NY: Ecco, 2012.

8. Карпович О.Г., Литвинов В.О. Перспективы торгового противостояния КНР и США // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 4(26).
9. Наумов А.О. «Бульдозерная революция» в Сербии 2000 года: технологии смены политического режима // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 4.
10. Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 19.
11. Ананьева Е.В., Сафронов А.В. Киевские хроники // Современная Европа. 2015. № 2.
12. Стригунов К.С., Манойло А.В. Переворот в Боливии: внутренние и внешние факторы // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466.
13. Nagy N. The Egyptian revolution seen through the eyes of a psychiatrist // International Psychiatry. 2012. V. 9. № 3.
14. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018.
15. Минасян С.М. Сирийский гамбит Москвы. Риски и перспективы первой «заморской» операции России // Россия в глобальной политике. 2015. № 6.
16. Чижевский Я.А. Реализация концепции сетецентрических боевых действий в вооруженных силах США // Военная мысль. 2019. № 3.
17. «Арабский кризис» и его международные последствия / Под общ. ред. А.М. Васильева. Отв. ред. А.Д. Саватеев, Л.М. Исаев. М.: ЛЕНАНД, 2014.